

Веселин

- А вы знаете, что Веселин – плагиатор и вор? – он смотрел на меня с торжеством и ухмылкой. – Плагиатор. И вор, - повторил с явным удовольствием и взглянул победно. Я готов был дать ему в лицо. Веселин – мой кумир, зачем порочить великого поэта? Он и без того несчастен, и память о нем – трагична, вызывает слезы и сочувствие. Как минимум.

- Знаю, знаю, что вы думаете! – он передернул плечами. – Только бить меня не надо. Давайте, объясню.

Он достал томик из трехтомного собрания сочинений Веселина. Открыл нужную страницу, протянул мне:

- Читайте. Только внимательно читайте.

Я прочел: «Словно хочет сказать мне, что я – жулик и вор, так бесстыдно и нагло обокравший кого-то...» Поднял глаза.

- И что? Я эту поэму помню наизусть, мы ее с другом по ролям читали, целый спектакль получался. Нельзя же из поэтических строчек складывать историю жизни, это нелогично. Нечестно, в конце концов.

Он замахал руками, засмеялся. Смеялся долго и оскорбительно. Мне снова захотелось дать ему в лицо.

Отсмеялся, стал серьезным снова.

- Значит, нечестно... - он задумчиво посмотрел на меня. – Мне очень жаль развенчивать вашего кумира в ваших же глазах. Но когда-то очень давно, на заре, как говорится, туманной юности, будучи на Кавказе, в Майкопе, я встретил одного человека. Точнее, одну женщину. Дело было так.

* * *

Майкоп в конце сентября – это уже начинающая желтеть листва, обещание осени, но еще – спелый виноград и жгучее солнце, еще сидящие на заборах частного сектора частные ленивые кошки, еще... Словом, Кавказ. Здесь сентябрь – еще не осень.

Я был в командировке, собирал материал для книги об одном выдающемся человеке. Это был заказ, но приятный. Человек и правда выдающийся, и писать о нем хотелось. Мы с коллегой, придумавшим этот проект, мотались в аулы, на родину выдающегося человека, по необходимости пили чачу и кушали губаты, щипс или просто мамалыгу отдельно, записывали на диктофон разговоры. Выдающегося человека хвалили – так, что иногда становилось немного приторно. Я всякий раз себя одергивал: это – Кавказ, и здесь «школа имени...» при жизни – нормальная вещь, надо только привыкнуть. Другой менталитет, по сути – другая жизнь. Здесь могут, помолвившись Аллаху, задумчиво зарезать и не почувствовать вины – ты просто сказал или даже подумал неправильно, оскорбил чувства живущих на этой земле так, что нет тебе прощения. Не потому что неверный, а потому что дурак. За это и поплатился. А могут, раскрыв объятия однажды и не сразу разобрав – кто ты, терпеть тебя до последнего, подносить выпивку и угощения, проститься с тобой как с добрым гостем, а потом, когда уйдешь, молить Аллаха, чтобы он простил хозяев за ложное гостеприимство и за то, что не зарезали тебя.

Бывает и совсем иначе. Черкесы – народ не только кавказский, но в недавнем прошлом советский. Наивный, дружелюбный и гостеприимный. Искренний. Они открывают двери всякому, кто, как им кажется, приходит к ним с миром и добрыми намерениями.

Увлёкся.

Ну, ходили мы по дворам, бывали на встречах. Сопровождали нас сотрудники местной телекомпании – о выдающемся человеке нужно было не только сделать книгу, но еще и снять фильм. Оператора звали Аскер, журналистку, показавшуюся нам молоденькой, а на самом деле – 18 лет в профессии и мать троих детей, - Асиет. Милые, общительные, в работе не только не мешали – брали на себя основную заботу: разговаривали собеседников, заставляли их работать на камеру и диктофон. Моя задача была –

записывать и, если необходимо, добавлять вопросы. Последнее почти не требовалось, умница-Асиет работала и за себя, и за меня.

В доме одного из бывших соратников выдающегося человека мы с ней неожиданно оказались в коридоре нос к носу. Она, вопреки моим представлениям о женах Кавказа, бесцеремонно взяла меня за пуговицу. Бывший соратник накрыл хороший стол в традициях кавказского гостеприимства, выпито к тому времени было много, но Асиет не пила совсем. Ее поведение было тем более странным.

- Ведь вы поэт, да?

Я пожал плечами в знак не то сомнения, не то согласия.

- Поэт, я знаю, - стерла она мои сомнения. – У меня дед был поэт, совсем недавно умер. Она помолчала, продолжая держать меня за пуговицу. Уйти было невозможно. Да и зачем? Красивая женщина, даром, что трое детей. Может, что предложит...

Асиет сказала:

- Хотите, я расскажу вам одну страшную тайну? Вы – первый, кто о ней узнает.

Ну, какой журналист не хочет узнать первым тайну, тем более страшную? Я весь обратился во внимание, настроил память.

Она отпустила пуговицу, набрала воздуха, как будто собралась нырять.

- Помните, у вашего рязанского поэта Веселина есть стихотворение: «Асиет ты моя, Асиет! Потому что рязанский я, что ли...» Помните?

Я кивнул. Кто ж не помнит.

- Асиет – моя бабушка. Покойная. Стихотворение адресовано ей, - она помолчала. Потом решительно подняла на меня свои жгучие черные глаза: - Но написал это стихотворение не Веселин, а мой дед Казбек. Тоже покойный. Он учился русскому языку, обучался в Рязани – не знаю, почему там, но так было. И он написал стихотворение, когда познакомился с моей бабкой. Еще он был знаком с Максимом Горьким... и с Веселиным. Он очень рано умер, его случайно застрелили в бандитских разборках. Он не был бандитом, но... как это у вас говорят: попал под горячую руку. Хоронил его весь аул, и сами бандиты пришли.

Я молчал ошеломленно. Потом осторожно спросил:

- А почему вы так уверены, что стихотворение принадлежит вашему деду, а не Веселину? Вы слышали, как дед его читал при жизни? Есть рукописи, какие-то другие подтверждения?

Лицо ее вспыхнуло, как будто я ее ударил.

- Какие подтверждения нужны?! Какие свидетельства? Моя бабка была Асиет, мой дед – поэт! А Веселин написал потом уже, когда каяться время пришло: «Я – жулик и вор, так бесстыдно и нагло обокравший кого-то...» Вот он и признался, что деда моего обокрал! Логика потрясла меня до глубины души. Я понял, что спорить не стану. Спросил только осторожно:

- Ну, а все-таки осталось что-то, подтверждающее авторство вашего деда? Черновики, записки какие-то? И то, что он поэтом был – вообще, какие-то стихи его остались?

Она посмотрела на меня свирепо, вцепилась в пуговицу:

- Ничего вы не поняли!

И ушла за стол.

Я некоторое время стоял в оторопении. Подумал послушно: «И правда ведь, в каком-то таком страшном грехе Веселин Александр Сергеевич сознавался – в каком, интересно? Может, и правда соблазнился чужим стихом?» И вдруг спохватился: когда жил Веселин? А когда – ее дед? Асиет не больше тридцати пяти, деду было... ну, пусть даже сто, когда умер. Не совпадает, жили они, конечно, в одно время, но были в разном возрасте, не мог дед писать в то время стихи, а значит – и Веселин у него ничего воровать не мог.

Я успокоился и пошел дальше пить чачу. С Асиет мы с того момента переглядывались, как заговорщики, не пришедшие к общему решению, в обоих взглядах виделось сожаление. Попрощались прохладно, будто чего-то не договорили.

Завтра нам снова предстояло работать вместе.

* * *

- В гостинице, расположенной на окраине Майкопа, я долго не мог уснуть, - сказывалась избыточная чача, сказывался легкий стресс от услышанного, но не принятого, - продолжал он говорить. – А ночью...

Он вдруг замолчал, лицо как будто подернулось пеплом. Он сел. Пауза длилась минут пять – я подумал, не вызвать ли врача? Как будто угадав мои намерения, он тяжело махнул рукой:

- Ничего... просто до сих пор страшно...

Той ночью он проснулся от того, что рядом с постелью кто-то стоял. Телесный – и бестелесый совсем. Прозрачный. Сквозь него виднелось зеркало, в зеркале – отражение обалдевшего от внезапного пробуждения хозяина комнаты.

- Что, - сказала привидение, - не поверил внучке моей? Ну и дурак. Мои стихи. Украл он у меня. Не из тетрадки украл – из головы выкрал. Я эту поэму даже записать не успел – помер. Он мои мысли слышал.

Привидение помолчало, колыхаясь.

- Чтобы не сомневался в истинности происходящего, не думал чтобы, что пьяный бред, вот тебе, - призрак размахнулся, всей пятерней ударил его по физиономии – и растворился.

- Я провалился в тяжкий сон, - рассказывал он дальше, - не в сон – в забытье. Утром подскочил – похмелья не было, чача – продукт качественный. Вот думаю, чепуха какая снится спяну! Пошел умываться, бриться, глянул в зеркало – и замер. По всей левой щеке – красная пятерня.

Помолчал и добавил:

- Он меня правой ударил.

23.01.2019